

Юн Ци был смущён, в то время как Юн Шань скользил своей рукой по хрупкому члену юноши, довольно быстро увеличивая темп. Неожиданно для себя Юн Ци оказался зажат сразу с двух сторон. Сколько бы он не пытался, вырваться из крепких рук Юн Шаня у него никак не получалось. Румянец окрасил не только его лицо, но и уши, сердце бешено колотилось и, казалось, вот—вот выскочит из груди. Одна лишь мысль о том, что кто-то из дворцовых слуг может в любое время войти в комнату и застать подобную картину, усиливала и без того растущее волнение. Глаза юноши будто заволочла пелена.

Юн Шань холодно усмехнулся:

— Так ты всё же мужчина? Ты уже столько лет являешься старшим сыном императора и первым Его Высочеством, а чуть что, сразу начинаешь лить слёзы. Тебе самому не стыдно?

— Младший брат... — пролепетал Юн Ци дрожащими губами.

Юн Шань застыл.

Долгое время он не мог поверить, что Юн Ци смог вымолвить хоть что-то.

Юн Шань остановился, перестав дразнить чувствительную плоть Юн Ци. Его взгляд застыл на алых губах старшего брата, которые поблёскивали, словно блики родниковой воды. Затем Юн Шань насмешливо скривил губы:

— Прости, ты что-то сказал? Мне кажется, я не расслышал. Повтори, только погромче.

Юн Ци показалось, что он в очередной раз разозлил Юн Шаня, а потому юноша плотно сомкнул губы и закрыл глаза.

Юн Шань удивился, но лишь молча улыбнулся. Покрепче обняв брата, он прижал его к своей груди и шутливо проговорил:

— Значит, ты знаешь, что я тоже являюсь твоим младшим братом? Иногда мне кажется, что у тебя есть только один младший брат — Юн Линь. Являясь старшим братом, ты и сам не слишком справедлив, укоряя меня в том, что я поправил тебя.

Закончив фразу, Юн Шань ослабил хватку.

Юн Ци тут же воспользовался ситуацией и высвободился из объятий младшего брата. Но не успел он перевести дыхание, как Юн Шань, поднимаясь с кровати, потащил его за собой:

— Уже совсем рассвело. У меня запланировано много занятий на сегодня, а ты составишь мне компанию. Хватит тебе уже прохлаждаться в кровати, вставай. И скорее. Наставник, боюсь,

придёт совсем скоро.

Это была очередная головная боль Юн Ци.

Сейчас Юн Шань не внушал страха, но он оставался своенравным и упрямым. Юн Ци совершенно не понимал младшего брата. Эти бесконечные перемены настроения, к тому же он является настоящим наследником престола, а потому выводить его из себя не лучшая идея.

Юн Ци шумно вздохнул, на что не мог не обратить внимания Юн Шань.

Тот с самым что ни на есть спокойным видом спросил:

— Старшему брату Юн Ци не нравится мой наставник?

В его взгляде вновь зажёгся небольшой огонёк, отражавшийся пугающим блеском в глазах. Этот взгляд всегда вызывал у Юн Ци дрожь.

Юн Ци проговорил:

— Не совсем. Отец-император назначил наставника для наследника престола, а если я, при своём положении, отправлюсь вместе с Вами на лекции, то мне кажется, это будет неуместно.

— Об этом можешь не беспокоиться, — улыбнулся Юн Шань, взгляд его постепенно смягчился. После юноша мягко добавил, поясняя: — Твоё дело уже рассмотрено. Я лично его запечатал и приказал своему человеку доставить отцу-императору. Твоя принцесса по-прежнему живёт в пожалованных землях, а ты в настоящее время нашёл временное пристанище во дворце наследного принца и учишься вместе со мной. Это также доложили отцу-императору. Поэтому подобные вещи не должны тебя беспокоить. Кстати...

Юноша выдержал паузу и, наклонившись очень близко к Юн Ци, с угрожающей улыбкой проговорил:

— Сейчас с тебя, первого сына императора, сняты все обвинения, так что ты можешь не бояться наказаний, они тебя миновали. И, разумеется, ты можешь отправиться в собственный дворец и добиться встречи с родной матерью.

Юн Ци вздрогнул, на его лице сразу же появилось приятное удивление, которое ни с чем нельзя было сравнить.

Увидев, как выражение лица Юн Ци поменялось, Юн Шань добавил следующее:

— К сожалению, хоть ты и был оправдан, наложница Ли всё же признана виновной, а потому она заключена в Холодном дворце. Находясь в таком положении, даже её родному сыну будет крайне непросто увидеться с ней.

Юн Ци снова вздрогнул. Подняв голову, юноша встретился взглядом с Юн Шанем. Его глаза сверкали хрустальной чистотой, словно редкие стеклянные бусины, отливающие разными цветами. Его взгляд был трогателен, но будто с долей негодования, и в тоже время он словно молил о помощи.

Юн Шань понимал, что, опираясь на свой статус наследного принца, он уязвляет потерявшего власть старшего брата. Хоть это и было подло, однако он всё равно получал удовольствие от этого. Улыбаясь своим мыслям, юноша проговорил:

— Ты же и сам понимаешь, кого следует просить о помощи?

За дверью раздался тонкий и осторожный голос Чан Дэфу, который доложил:

— Ваши Высочества, прибыл наставник. Он сейчас находится в кабинете и ожидает вас. Уже позднее утро, не будет ли лучше позвать нескольких слуг, чтобы они помогли Вашим Высочествам привести себя в порядок?

— Пусть войдут, — сказал Юн Шань, пребывающий в хорошем настроении и бодром сознании. Он обернулся и поглядел на Чан Дэфу, за которым проследовали несколько придворных служанок. Девушки несли в руках всевозможные предметы, необходимые для утреннего туалета. Мягко улыбнувшись, юноша продолжил: — Позаботьтесь лишь обо мне. А о старшем брате Юн Ци, который очень долгое время не был в центре внимания, я, как хороший младший брат, позабочусь лично. Ведь говорят, что старший брат должен быть добрым, а младший — почтительным. Впредь уход за старшим братом будет считаться моим излюбленным занятием.

Одна фраза наследника престола, и, естественно, никто не осмелился ослушаться приказа Его Высочества.

Три-четыре служанки засуетились вокруг Юн Шаня, пока Юн Ци стоял в стороне.

Вскоре Юн Шаня спешно причесали и умыли, другие служанки в это время принесли второй комплект предметов утреннего туалета и положили его перед Юн Ци, но самого юношу трогать не стали. Юн Ци испугался и, поглядев на чистую и тёплую воду перед собой, перевёл взгляд на Юн Шаня, столкнувшись с его искренней улыбкой, сияющей на умытом и слегка оживлённом лице. Сам же юноша, засучив рукава, приблизился к Юн Ци. Тот слегка отступил назад:

— Уже ни капельки не смешно.

— А кто сказал, что я шучу? — сказал Юн Шань, медленно погрузив чистое полотенце в тёплую воду, а затем отжав его руками. Из-за многочисленных взглядов слуг, находившихся рядом, Юн Ци стало жутко неловко. Прикрывая лицо, юноша уклонился от протянутого в его сторону полотенца, не позволяя Юн Шаню умыть себя.

— Не шевелись. — Юн Шань, держа в руках полотенце, умело схватил запястье Юн Ци. Мокрая ткань едва коснулась кожи, как Юн Ци уклонился снова, пряча лицо, отказываясь подчиниться.

Юн Шань улыбнулся. Похоже, он посчитал это забавным. Более резкими и уверенными движениями он специально начал хаотично вытирать полотенцем лицо Юн Ци, поддразнивая брата и заодно наслаждаясь тем, как тот всё ещё пытается уворачиваться.

— Юн Шань, наставник ведь ждёт. Прекрати. — Юн Ци с трудом уцепился за его руку, пытаясь прекратить издевательства.

— Я же говорил, что не шучу, поэтому не сопротивляйся, и мы сделаем всё быстро, раз уж старший брат тоже знает, что наставник ждёт. Когда я позабочусь о тебе, то мы сразу же отправимся к нему. Вместе.

— Юн Шань...

— Если будешь и дальше тянуть время, то я могу в самом деле рассердиться. — И тут Юн Шань внезапно спросил: — В конце концов, ты хочешь увидаться со своей матушкой или нет?

Юн Ци застыл на месте, а рука, что пыталась помешать Юн Шаню, ослабла в ту же секунду. Медленно опустив её, юноша, словно приговорённый к пыткам преступник, замер на месте, более не осмеливаясь пошевелиться.

Юн Шань тоже больше не улыбался.

Даже яркий солнечный свет, заливший комнату, казалось, потускнел, став до удушения мрачным и гнетущим.

От хорошего настроения не осталось и следа.

Уловив нотки прежней атмосферы, Юн Ци понял, что, вероятнее всего, он снова навлёт на себя беду. Он обеспокоенно поглядел на младшего брата, который, в свою очередь, смотрел на него. Их взгляды встретились. Хоть взгляд Юн Ци и был робким, в нём не было ни капли гнева, или коварства, или злого умысла, а одна лишь отстранённость. И этот взгляд, который вновь стал таким чужим, Юн Шаню было крайне мучительно видеть.

Он разозлился и швырнул полотенце, которым всего несколько минут назад умывал Юн Ци, в

серебряный таз. Шлёп! Брызги тёплой воды разлетелись по сторонам, попав на служанку, что держала этот таз, и окропив её голову. От испуга все присутствующие слуги замерли в молчании, напоминая цикад зимой.

— Почему вы стоите? Чего медлите? Сейчас же позаботьтесь о Его Высочестве Юн Ци, ведь ему ещё нужно умыться и причесаться.

Приказ, отданный столь холодным тоном, всполошил слуг, заставив их броситься к Юн Ци в тот же миг, как он прозвучал. Слуги немедля принялись расчёсывать принца, не говоря при этом ни слова, опасаясь вновь вызвать гнев наследника престола.

На Юн Ци, который всё также стоял неподвижно, хлынула толпа слуг, чтобы помочь юному принцу освежиться. Сам же юноша всё ещё испытывал крайнее беспокойство. Юн Ци не оставляла мысль, и он всем сердцем желал встретиться с матушкой, с которой не так-то просто было добиться аудиенции. Немного погодя юноша вновь подумал и захотел после того, как его приведут в порядок, встретиться с наставником. Сам же юноша, вероятнее всего, не сделал ничего плохого и не чинил препятствий младшему брату, однако Юн Шань, как оказалось, очень сильно разозлился. А вдруг он ещё вечером вспомнит утро и, разозлившись, решит выместить гнев на нём, Юн Ци, так как он это делал во Дворце Наказаний, прибегнув к наси...

По телу прошла дрожь.

Вскоре слуги, приведя в порядок и освежив Юн Ци, собрали все вещи для утреннего туалета и бросились врассыпную, оставив лишь Юн Ци, который продолжал стоять неподвижно, словно изваяние. Лишь взглянув на Юн Ци, Юн Шань заметил растерянность на его лице, словно юноша был напуган.

Сначала Юн Шань со злобой смотрел на него, но, увидев его растерянный вид, юноша вновь смягчился. Долгое время собираясь с силами, Юн Шань стиснул зубы и процедил:

— Не бойся, я лишь дурачился и забавлялся.

Юн Ци с изумлением обернулся и посмотрел на юношу.

Обернувшись в сторону, Юн Шань холодно крикнул:

— Вернитесь и скорее переоденьте его, чего копаетесь?

Взяв одежду, а также различные украшения, несколько служанок на цыпочках вошли в комнату и, окружив юношу, стали помогать Его Высочеству переодеваться.

Одежда Юн Ци была совершенно новой, с простым, но изысканным цветом, и сшитая из уникального материала. Носить эту одежду было весьма удобно, а узкий белый воротник,

выполненный из шёлка, подчёркивал его шею, делая её ещё более белой и нежной. Оставив Юн Ци в покое, слуги взяли пояс и затянули его на талии Юн Шаня, аккуратно подвязав его. Однако Юн Шань, что теперь занял место старшего брата, недовольно и порицая проговорил:

— Ни одну безделушку не удалось с лёгкостью надеть. Что если попробовать эту маленькую вещицу прикрепить на поясе? Может, с ней поменьше будет возни?

Юн Ци повернул голову и поглядел. Служанка, что сейчас помогала Юн Шаню прикрепить подвеску на поясе, стояла на коленях, её лоб уже покрылся испариной. В руках служанка держала яшмовую подвеску, которая почему-то плохо крепилась к поясу.

Две-три попытки, а подвеска никак не хотела украшать пояс Его Высочества наследного принца. И чем больше попыток было, тем злее становился Юн Шань.

И тем больше руки служанки, которая испугалась до смерти гнева Его Высочества, мелко дрожали, чуть ли не роняя подвеску из пальцев.

Юн Шань нетерпеливо проговорил:

— Чан Дэфу, чем ты занят? Откуда взялась такая неуклюжая дрянь?

Чан Дэфу также встал на колени и уже некоторое время помогал прикреплять безделушку. Только на этот раз им поднесли новое, искусно сделанное нефритовое украшение, состоящие из нескольких предметов, необычайно изысканное: несколько драгоценностей, скреплённых звеньями цепи. С этим украшением слишком сложно было справиться, и вскоре оно также не смогло прикрепиться к одежде Юн Шаня.

Юн Ци понимал, что Юн Шань всего лишь хочет излить свой гнев, вот и придумал эту пытку с украшениями. Не проронив ни слова, юноша подошёл посмотреть на украшения и проговорил:

— Эти украшения похожи на те, что изготавливают в королевстве Дуньюэ. Во дворце не часто их встретишь, и поэтому слуги не умеют с ними обращаться, да и сами украшения вполне обычные. Только сначала их нужно правильно надеть. — Юноша извлёк из прямоугольной тарелки украшение квадратной формы и поднялся с места. Он хотел помочь Юн Шаню прикрепить её, но, ещё не коснувшись рукой тела младшего брата, Юн Ци всё же застыл в нерешительности.

Юн Шань, боясь, что юноша вновь отдернет руку, вытянул и схватил тонкое запястье Юн Ци. Коварство и жестокость, что до этого были на его лице, бесследно исчезли, словно их и не было. Слегка опустив взгляд чёрных как смоль глаз, Юн Шань со смехом проговорил:

— Это украшение я почему-то вообще не видел. После того, как отец-император мне его пожаловал, я впервые примеряю его. Старший брат позволил мне увидеть его.

Услышав его смех, Юн Ци почувствовал, как жар ни с того ни с сего прихлынул к щекам, но юноша всё ещё медлил, не решаясь прикоснуться к младшему брату.

В Юн Шане разыгралась совесть, и юноша спешно приказал:

— Можете уйти.

Все слуги вместе с Чан Дэфу повиновались приказу и вышли. Как только дверь закрылась, Юн Шань подошёл ближе к Юн Ци и шёпотом проговорил:

— Смотри, они все ушли, и на нас никто больше не смотрит.

Его слова прозвучали неоднозначно, заставляя Юн Ци машинально ответить:

— Что за вздор!

Услышав слова старшего брата, Юн Шань почувствовал, как его сердце слегка вздрогнуло.

«Что за вздор!» — юноша обычно говорил только одному человеку, конечно же самому бестолковому и возмутительному — Юн Линю. Раньше Юн Ци воспитывал Юн Линя и часто употреблял «что за вздор!» и «снова несёшь вздор». Именно тогда Юн Шань тайком несколько раз слышал эту фразу из его уст.

И лишь сегодня юноша впервые сказал её не Юн Линю, а ему, Юн Шаню.

Слегка раздражённый и близко стоящий Юн Шань почувствовал, как радостно и сладко затрепетало сердце.

Юноша пристально и очень ласково глядел на Юн Ци. Стоя напротив брата, Юн Шань не шутил и не баловался, лишь слегка со смехом сказал:

— Хорошо, я не буду пороть вздор. — Его голос был очень лёгким и невесомым, словно юноша боялся спугнуть тот солнечный свет, что заливал комнату.

Юн Ци не сказал ни слова. Держа в руках нефритовую подвеску, юноша подошёл ближе и, не торопясь, украшение за украшением ловко прикреплял подвеску к поясу Юн Шаня.

Когда Юн Ци помогал прикреплять украшение, ему пришлось низко наклонить голову, беззащитно подставляя шею, что была плотно скрыта иссиня-чёрными волосами. Юн Шань не смог сдержаться и мизинцем смахнул с шеи тёмные локоны в сторону, обнажая кожу, которая на фоне чёрного была ещё более блестящей, белоснежной и такой соблазнительной.

Юн Ци, словно боясь щекотки, сжался, втягивая шею в плечи:

— Не балуйся.

— Твоя шея очень белая.

Юн Ци не ответил.

Юн Шань приблизился к ушку старшего брата и проговорил:

— Сегодня вечером я буду спать здесь, чтобы помочь старшему брату с тем, что он делал прошлой ночью, хорошо?

Ухо Юн Ци мгновенно покрылось румянцем, окрашивая немного кожу шеи. Сам же юноша дрожащим голосом проговорил:

— Всё, я закончил.

Отступив на шаг, юноша развернулся, намереваясь уйти, но ему не дали этого сделать. Юн Шань, вытянув руки и обвив сзади талию Юн Ци, притянул его к груди. Всё так же юноша приблизился к уху Юн Ци и надоедливо прошептал:

— И всё же, хорошо или тебе неприятно?

— Неприятно.

— Тебе правда неприятно?

Юн Ци униженно покачал головой и сказал с предупреждением, которое больше напоминало соломинку надежды:

— Наставник ждёт, будет ужасно, если сейчас не отправиться на занятия.

Юн Шань, всё так же стоя за спиной, радостно сказал:

— Ну, хорошо, после занятий я со старшим братом Юн Ци ещё вернёмся к этому разговору.

Снисходительно выпустив юношу из объятий и, не дожидаясь, пока Юн Ци ускользнёт, Юн Шань схватил запястье старшего брата. Потянув за собой растерянного Юн Ци, Юн Шань спешно вышел за дверь.

<http://bllate.org/book/13372/1189567>